

УДК 391(=511.152)
ББК Т.3(2Рос.Мор)

ОТНОШЕНИЕ МОРДВЫ К СВОЕМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ КОСТЮМУ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Т.А. Шигурова

Традиционный костюм рассматривается как устойчивый компонент материальной и духовной культуры мордовского народа. Предпринята попытка осмысления содержания понятия «наш костюм» с учетом эмоционального компонента.

Ключевые слова: этнография, мордва, материальная и духовная культура, традиционный костюм, эмоциональный компонент.

Традиционная одежда мордвы привлекала к себе внимание ученых уже с конца XVIII века. Первые сведения о мордовской одежде можно найти в трудах ученых-путешественников П.С. Палласа, И.Г. Георги, И.И. Лепехина. В.Н. Майнов [17] представил описание праздничной, ритуальной одежды мордовских женщин, а И.Н. Смирнов [27] впервые дал наиболее полную характеристику традиционного костюма мокши и эрзи. В советский период вопросы, касающиеся мордовского национального костюма, его специфики и особенностей бытования, находили отражение в общих работах по материальной и духовной культуре мордвы [4; 12; 15]; вышли в свет специальные труды, посвященные изучению мордовского традиционного костюма [5; 9; 28]. Ценность этих научных изысканий заключа-

ется в разработке типологии мордовской одежды, выявлении ее социальных функций, а также признаков сходства и различия в одежде разных народов Поволжья, рассмотрении костюма мордвы как важной части народного искусства. На рубеже XX столетия проблемы обрядовой культуры мордвы затрагивались в трудах Н.Ф. Мокшина, Т.П. Федянович, Н.Ф. Беляевой, Г.А. Корнишиной [6; 14; 21]. Л.И. Никоновой [23] одежда рассматривалась с функциональной точки зрения в системе жизнеобеспечения мордвы, а А.С. Лузгиным [16] – при анализе промысловой деятельности народов Мордовии.

На современном этапе развития гуманитарных наук особую актуальность приобретает комплексное исследование материальной и духовной культуры мордовского народа, представление ее в виде единой системы элементов, тесно взаимодействующих друг с другом. В качестве важнейшего элемента данной системы признается этнографическая

составляющая, в которой отражено локальное историческое своеобразие культуры [13; 32].

До конца XIX в. традиционный мордовский костюм был важнейшим устойчивым компонентом материальной и духовной культуры, который позволял идентифицировать представителей мордовского народа среди других этносов на территории Среднего Поволжья. Так, мордва-терюхане Нижегородской губернии «в целом ряде категорий культуры, в частности наиболее выпукло в одежде, необычайно стойко держались национальной формы, перенося с языка именно сюда представление о своей национальности. Поньше в терюханской среде сохранилась старая песня, где “вера мордовская” овещается в частях мордовской одежды и горе утраты своего национального олицетворяется в прощании с “сустужными застежками”, “бранными рукавами” и проч. Характерным для современных терюхан является то, что название “мордовка” по преимуществу применяется к женщинам, носящим национальный костюм» [19, с. 62–63]. М.Т. Маркелов и С.П. Толстов в статье «К истории терюханской народной культуры» подчеркивали, что костюм являлся наиболее ярким этническим признаком этого населения, хотя «смена мордовского костюма русским произошла сравнительно недавно, в течение последних двух-трех десятилетий» [там же, с. 67].

Исследование отношения мордвы Саратовской губернии к своему традиционному костюму, к тем или иным элементам народной одежды представляется весьма актуальным. Это позволяет выявить особенности этнического самосознания изолированной группы мокши и эрзи, удаленной от исконной территории проживания мордовского народа. Мордовское население Саратовской губернии воспринимало свой традиционный костюм как очень важный и обязательный символ, данный народу свыше. Так, в Петровском уезде говорили: «Лапти мордвину и сам Бог дал, велел носить всю жизнь» [18, с. 133]. Исследователи полагают, что лесными угодьями Саратовского края в качестве зимниц и бортовых ухажав отдельные группы мордвы пользовались не позднее начала XVII в., однако активное заселение и дальнейшее оформление права их использования для земледе-

лия (в основном мордвой Алатырского, Пензенского, а также Керенского уездов) развернулось во второй половине XVII в. [11, с. 49–50, 54], «бегство» на новые земли было «формой пассивного сопротивления населения процессу усиления феодально-крепостнической системы. Волны переселенцев, одна за другой, покидали насиженные земли и уходили за пределы исконных мест обитания, основывая все новые и новые мордовские деревни и села» [34, с. 296].

Общая численность мордвы Саратовского края в 1859 г. составляла 150 тыс. чел., в 1911–189 тыс., что объяснялось «высоким уровнем естественного прироста. Перепись 1920 г. показывает некоторое сокращение... что было связано с разорением крестьянских хозяйств за время Первой мировой и Гражданской войн» [22, с. 30]. Наиболее крупные ареалы расселения мордвы были расположены в северной части Саратовского края в Кузнецком уезде по границе лесостепи, в юго-восточной части (Хвалынский и Вольский уезды), в Балашовском и Петровском уездах. Согласно Всероссийской переписи 2002 г., общее число мордвы Саратовской области составляет 16 523 человека [там же].

Ценные исторические сведения по Саратовской губернии, собираемые с 1845 г. в течение нескольких лет по тщательно разработанной отделением этнографии программе, хранятся в архиве Русского географического общества [3; 24; 27]. Наиболее важными для нас с точки зрения описания костюма мордвы являются рукописные материалы священника села Юловской Мазы Вольского уезда Саввы Архангельского, родившегося в мордовском селе и хорошо знавшего материальную и духовную культуру народа (впоследствии неоднократно публиковавшего этнографические статьи в Губернских ведомостях). Уникальным источником служат публикации А.Н. Минха, проявившего большой интерес к истории, быту и культуре мордовского народа, совершившего путешествие от Саратова до Казани в 1853 году [20]. Для изучения использования одежды в религиозных верованиях и обрядах несомненную ценность представляют материалы «Мордовского этнографического сборника» А.А. Шахматова [30]. Значительный вклад в изучение и комплекто-

вание коллекций традиционного мордовского костюма Саратовской губернии внесли исследователи-выпускники Саратовского университета и весьма активные члены этнографического отдела Общества истории, археологии и этнографии М.Т. Маркелов и П.Д. Степанов [18; 29].

В.Н. Белицер, обобщив и проанализировав большой литературный, музейный, а также полевой материал, собранный во время Мордовских этнографических экспедиций, выделила в качестве особого саратовского комплекса костюм населения, проживавшего в прошлом в Кузнецком уезде Саратовской губернии. Впервые при изучении локальных вариантов костюма мордвы ею был использован метод картографирования, выделены признаки сходства и различия в одежде разных народов Поволжья [5, с. 45, 78, 84, 100, 154–156, 183–184, 197].

В 2008–2009 гг. сотрудниками отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия была осуществлена этнографическая экспедиция в Петровский, Хвалынский, Вольский, Базарно-Карабулагский районы Саратовской области. Впервые были систематизированы историко-этнографические сведения о мордве Саратовской области, изучена история заселения, динамика численности, хозяйство, материальная культура, семейный и общественный уклад жизни. В 2009 г. вышел первый том коллективной монографии о культуре мордовского народа Петровского района Саратовской области [22]. По словам авторов этой работы, в последние годы наблюдается рост этнического самосознания народов бывшего Советского Союза, становится более обостренным их внимание к проблемам сохранения и развития национальных культур, языков, обычаев: «Национальные диаспоры создают различные институты, самые многочисленные из которых – национально-культурные общественные организации. Так, в Саратове действует Центр финно-угорской культуры, издается газета «Азор». В Петровском районе Саратовской области с 1998 г. существует Мордовский культурный центр. Усилиями активистов центра в с. Оркине созданы краеведческий и этнографический музеи, накапливающие экс-

понаты, связанные с историей и культурой мордвы» [22, с. 3].

Полевые экспедиционные материалы начала XXI в. не могут предоставить богатый вещевой материал по народной мордовской культуре середины XIX – начала XX в., они фиксируют утрату национальной специфики внешнего облика и самой традиции рукоделия: «В 1920–1930 гг. домашнее прядение растительных волокон и домашнее ткачество у саратовской мордвы почти исчезли» [там же, с. 50]. Воспоминания информаторов интересны представлением сложного мира человеческих переживаний, традиционного восприятия событий прошлого, эмоциональных состояний, направленных на явления и вещи, связываемые с ощущением глубоких прочных этнических корней.

Костюмные комплексы мокши и эрзи в зависимости от территории проживания различались набором украшений, формой головного убора, цветовой гаммой и техническими приемами вышивки. Нередко границы их бытования были размыты, хотя сами мордовки в середине XIX – начале XX в. четко выделяли особенности в одежде соседних сел, говоря: «У нас так не носят», «У нас сапоги со сборами в 25 рядов, а у них меньше», «У них платки повязывали с кистями, а у нас – чтобы мохры не висели» и т. п. При этом добавляли нередко: «У нас костюм красивее, лучше, аккуратнее». Можно с уверенностью говорить о наличии в традиционной культуре мордвы, как и любого этноса, такого понятия, как «наш костюм». Оно включало в себя неписанный свод правил, регламентирующий, как следует одеваться в те или иные моменты жизни.

Тесная связь традиционной одежды мордвы с духовным миром людей, их мировоззрением, эстетическими, религиозно-магическими представлениями зафиксирована в фольклоре. Трогательные песни и свадебные причитания передают восхищение теми или иными деталями костюма, которые сравнивались с явлениями природы: алой зарей, яркими лепестками мака, кленовыми листьями и т. п. Воспевание одежды свидетельствует о том, что хорош собой, прежде всего, сам ее носитель. «Описание внешности героини – это описание и ее наряда, потребовавшего немало

труда: «Девушка чем хороша? Платье у нее красиво, рукава длинные...»

Катерина ходит щеголихою,
Вай, в саратовских она чулочках,
На высоких башмаках,
В рубашке из шести полос,
В двенадцати платках,
Вай, зарей полыхают ее платки» [33, с. 61–62].

Примеры такого чувственно-эмоционального восприятия человека через призму его костюма основываются на вере европейских народов в то, «что одежда человека почти органически связана с ее носителем. В соответствии с этим выстраивается и определенное эмоциональное отношение всего коллектива к костюму, который признается своим, или “нашим”. “Наш костюм” близок каждому отдельному члену коллектива, как ему близок и сам коллектив» [7, с. 158].

Положительное эмоциональное отношение к такому костюму выражалось в стремлении защищать его в случае ущемления или негативной оценки со стороны. Примечательны в этом плане, например, события, которые развернулись во второй половине XIX в. в селе Оркино Петровского уезда Саратовской губернии. По свидетельству А.Н. Минха, «мордовский национальный костюм встретил здесь гонение во времена земских заседателей: один из них приказал мужикам закупить своим бабам ситцев, китайек и нарядить их в сарафаны, сняв шлыганы и шушпаны; мужики под страхом строгого наказания исполнили прихоть заседателя, но его цель обрусения таким способом не удалась, и мордовки, к удовольствию оркинского населения, в особенности стариков, остались при своем нарядном дедовском костюме» [20, с. 702]. Довольно многочисленными в мордовской культуре факты принятия женщиной раз и навсегда своей одежды, веры и языка характеризуют силу ее эмоциональной памяти, свойственную вообще сущности женщины, независимо от ее национальной принадлежности. Стремление мордовки сохранить свой костюм можно объяснить таким психологическим фактором, как «верность». Любопытно следующее замечание Г. Зиммеля: «Душа в ее целостности и единстве неразрывно связана с отдельным ее содержанием... Нерас-

щепленное единство их природы сохраняет все, что ей пришлось пережить, с большим трудом отделяет от каждой вещи, связывая с ней некогда вошедшие в единый центр ценности и чувства» [10, с. 239–240].

Особая ценность традиционной одежды заключается в «обаянии сотворенности» [8, с. 87]. Как известно, в мордовском костюме вплоть до начала XX в. запечатлен труд женщины: «Всю зиму бабы прядут лен и пеньку, а весной во время пашни и междупарья... ткнут холсты и далеко слышны по улице, как они торопливо бьют бердами... весной она должна соткать столько холста, чтобы его хватило на панары и шушпаны себе, на рубашки мужу и ребятишкам – словом, на все, так как у мордвы нет ни одного купленного базарного лоскута, а вся одежда состоит из домашнего приготовления» [20, с. 716–717]. Каждая хозяйка за один сезон должна была спрясть не менее 40 метров льняного холста и столько же посконного. Высокая степень трудоемкости производства усиливала ценностное восприятие. Даже изношенные предметы одежды не выбрасывали, перешивая и используя максимально долго.

Значение костюма определялось, кроме того, выполняемой им функцией. Традиционный мордовский костюм обеспечивал необходимые физиологические потребности человека, а также стабильность жизнедеятельности. Так, повседневный мужской костюм состоял из холщовой белой рубахи (панар), вышитой по вороту синими, а по подолу – красными нитями, холщовых портов и лаптей. Праздничной обувью были сапоги, которые «в иных семьях хранятся как заветная вещь и надеваются лишь по годовым праздникам или при свадьбе» [там же, с. 701]. В качестве головных уборов использовались белые бараньи шапки, а верхней одеждой служили полушубки, поверх которых зимой надевали тулупы или армяки из домашнего сукна.

Основным элементом женской одежды являлась туникообразная холщовая рубаха – панар, паль (паля), надеваемая непосредственно на тело. Интересно, что в Саратовской губернии и эрзянские, и мокшанские женщины для шитья рубахи использовали крой эрзянского типа (см.: [5, с. 45]). Вероятно, в ситуации расширения межэтнических контактов и

влияний, ослабления этнического самосознания на формировании облика сказалося численное преобладание эрзянских компонентов костюма, включающих близкие и понятные образы, символы, значения.

Вышивание (викшнема), несмотря на трудоемкость, было распространенным и любимым занятием мордовских женщин и девушек, которые дольше всех сохранили его в качестве украшения своего костюма. Так, в «Саратовских губернских ведомостях» в середине XIX в. сообщалось, что «только расшитая красивым узором рубашка женщин заставит нас догадаться, что вы не в русском селении» [2, с. 18]. Верхняя распашная одежда (руця) в виде узкого халата, надеваемая на рубаху и имевшая короткие по локоть узкие рукава, была расшита по всем швам, груди, плечам и подолу красной шерстью и гарусом с блестками и мишурой. В старину существовало много разновидностей ее декоративного убранства с разной целевой установкой. Для локального варианта руци Петровского уезда Саратовской губернии была характерна «нагрудная вышивка с зубцами по краям, продольная вышивка на рукавах... с мелким разреженным узором, и продольные полосы на спине (четыре – шесть), часто шитые по выдергу или выстроченные золотой ниткой. Общий тон вышивки – темно-кирпичный» [5, с. 84].

Праздничная руця, предназначенная для торжеств, подразделялась на несколько типов по способу украшения. Наиболее торжественная *руця кавксува* (в восемь полос) имела восемь продольных вышивок и по своему декору приближалась к покаю. *Руця котова* (с шестью полосами) считалась тоже очень богатой одеждой и имела шесть продольных полос вышивки. *Руця нилива* (в четыре полосы) использовалась в «каждый рядовой праздник». Кроме того, бытовали *венчама руця* (подвенечная) и *кулума руця* (сопровождавшая владелицу в иной мир), каждая из которых по своему способу украшения и вышивки отличалась от упомянутых выше. Поскольку вышивание требовало особого мастерства, аккуратности и терпения, его результат служил критерием деловых, моральных и душевных качеств девушки. Часто сам процесс наполнялся особым ритуально-магическим

смыслом; при этом девушки занимались рукоделием и в праздничные дни после совершения прогулок в рощу (см.: [32, с. 48]).

Характерным признаком традиционной праздничной одежды у многих народов Поволжья в середине XIX в. была чрезвычайная яркость. Мордовская праздничная рубашка *покай* отличалась богатством декора: «покай весь зашивался красными шерстями, блестками и нередко золотом, так что белые холстовые полосы оставались не более как в четверть аршина ширины, и весь покай блеснул словно парчовый» [20, с. 701]. Мордовский женский традиционный костюм Петровского уезда Саратовской губернии отличался обилием украшений: «Щегольство разными украшениями в большой моде у мордвовок: огромные медные серьги, на пальцах – множество медных и оловянных колец, в особенности у девушек; бусы, стеклярус или нанизанные на шнурок раковинки, рядов в десять окружают шею, некоторые шнурки с этими украшениями довольно длинные, спускаются на грудь, и на каждом из них непременно крест или маленькая монета» [там же, с. 702]. Серьги *пилекст* изготавливались из медной проволоки различной формы. Наибольшее распространение получили те из них, что напоминали «...знак вопроса с продленной нижней частью» с медным сердечком и граненым цилиндрическим стеклышком [18, с. 78]. Обращает на себя внимание внешнее сходство вышеописанных пилекст с древнейшей формой височной привески со спиралью и грузиком, которая в качестве обязательного элемента головного убора мордовских женщин, судя по археологическим материалам, дожила до XIII в., а в отдельных памятниках – до XVI века. Широко использовались изделия из металла: застежка ворота *сюлгамо*, серьги, гривны, монеты, жетоны, цепочки, а также различные технические возможности имитации благородных металлов (в основном «под золото»). Термины «кшни» (железо), «сырне» (золото), «сия» (серебро) являются наиболее древними в мордовских языках, будучи иранскими по происхождению. Как известно из археологических источников, в старину художественной обработкой металла у мордвы занимались женщины [25, с. 783]. Кольца (суркст) носили чаще всего медные,

массивные, с большим плоским щитком, иногда оловянные и редко – серебряные. Блестки или маленькие медные кружочки (блескат) нашивались поверх вышивки рубахи, распашной одежды, головных уборов.

Бусы (эрыгть) были самых разнообразных цветов и форм. Для их изготовления часто использовался разноцветный бисер во всевозможных сочетаниях. В Петровском уезде бисер (човолят) нашивали на головной убор в виде бисерного кружева (човолянь решотка) по низу лобной части, около висков с двух сторон и на завязках. Из нитей бисера, нанизанных на толстый жгут плотными рядами, молодые женщины изготавливали шейное ожерелье. Иногда бисерные украшения наделяли особыми магическими функциями. Так, значение амулета, предохраняющего от дурного глаза, имел нанизанный на нить «белый бисер вперемешку с черным и пришитый полосой к панге или привязанный к руке», называемый «осод-човолят» [18, с. 78].

Украшения покупались мордовскими женщинами в ближайших городах или у проезжавших по селам торговцев-коробейников. «Летом и зимою приезжают в Оркино офени или, как их здесь называют, – шабольники: они торгуют иглами, блестками и разной мишурой для украшения шушпанов и шлыганов, красной мережкой, тесемками, нитками и тому подобной мелочью» [20, с. 718]. Поскольку фабричные ткани, ленты и блестящие украшения считались у крестьян признаком богатства, их нашивали на головные уборы, руцую и другие детали одежды.

Праздничная, яркая, звенящая одежда обладала высшей степенью выразительности. Она создавала атмосферу эстетического наслаждения разнообразием форм, гармонией цвета, информационным содержанием. Такая одежда говорила все о конкретном человеке и за него, хотя сам человек мог внешне быть при этом сдержан и молчалив. Эмоциональное воздействие объемно-смыслового изображения и одновременно мелодико-шумового сопровождения праздничного традиционного мордовского костюма, подобно мощному заряду, создавало ощущение полноты жизни, разнообразие оттенков чувств, возможность преднамеренного возбуждения «центров приятного» в мозгу и получения эстетическо-

го наслаждения. Примером служит праздничный костюм села Оркино-Кучугуры Озерской волости: «На сыпчинах девки одевались в самые лучшие наряды, а красивые, ловкие и статные надевали старинную, особенно нарядную одежду – покая, весь вышитый мишурой, блестками, увешанный по плечам и рукавам маленькими бубенчиками, погремками, блестящими и звонкими бляшками и даже колокольчиками, звучно побрякивая ими в такт во время пляски, девки блистали в ярком пурпуровом наряде» [20, с. 699].

Требование сильных раздражителей объяснялось монотонностью повседневного труда крестьянина, длительностью периода физического напряжения. В регулировании эмоциональной жизни, наполнении духовного мира оттенками чувств большая роль принадлежала традиционному мордовскому костюму. Не случайно он использовался в качестве доказательства любви. Так, в знак любви девушка дарила любимому головной убор, рубаху, пояс, а парень стремился присвоить во время посиделок какой-либо предмет ее одежды (см.: [31, с. 46]).

Праздничный костюм женщины-мордовки цельностью создаваемого образа, оригинальностью комплектования элементов, безупречностью сочетания формы и ее декора, гармонией цвета, совершенством орнаментальных форм, техническим мастерством исполнения заслуженно вызывал восхищение современников. Безусловно, женщина в таком наряде испытывала положительные эмоции.

Обилием украшений отличался свадебный костюм. Как отмечал В.Н. Майнов, на невесту «надевают лучший панар и шушпан и совершенно всю обвешивают бусами и висючками (нам случалось раз свесить коллекцию украшений одной невесты и получить вес в 23 фунта)» [17, с. 79]. Чрезмерность эта, по народным представлениям, создавала ощущение роскоши. Кроме того, элементы костюма выступали в качестве магических символов: «Дружка, опоясываясь полотенцем, подаренным невестою, на грудь к халату прицепляет мордовскую булавку, но не одну, а вместе с перстнями жениха и невесты, что служит символом того, что как перстни жениха и невесты, так и будущая жизнь супругов должна быть неразрывна даже и тогда, когда они бу-

дут проникнуты таким же неприятным случаем или болезнью, какая может произойти от укола большой булавки» [24, л. 11]. С другой стороны, украшения были знаком этнической, родовой, а также половозрастной, материальной, семейной и другой принадлежности носителя. Поэтому после венчания в некоторых селах сваха снимала с невесты в доме жениха ее застежку (сюлгаму) и бросала наотмашь. Украшения, не будучи одеждой в прямом смысле этого слова, должны были, кроме того, оберегать невесту от негативного воздействия внешних сил, привлекая внимание именно к себе, а не к самому человеку.

Совершенно иным было отношение участников обряда к своей одежде во время свадеб-самокруток. Невеста уходила вечером в дом жениха в повседневной одежде. Допускаемое ритуальное усложнение ее костюма заключалось лишь в символическом нагрудном украшении, состоявшем из повешенных на конопляной веревочке сотни медных простых колец, двух железных ключей и деревянной расчески. Каждый из этих предметов воспринимался как особый символ: «новая веревочка – новая жизнь после брака; кольца – неистощимое богатство, ключи – приобретение многого имущества, расческа – знак аккуратности» [там же, л. 18].

Близкие родственники, приглашаемые неожиданно поздним вечером или ночью для участия в свадебном обряде и собиравшиеся второпях, не решались заменить обувь или рубаху, какими бы они ни были плохими: «не меняют одежды, какой бы она ни была, и бывает, что один лапоть новый, а другой – старый, но это не смущает мордвина» [там же, л. 14]. Вероятно, какая-либо перемена в костюме, по существующим представлениям мордовского крестьянина, могла внести нежелательные изменения в исполняемый ритуал, и даже навредить или испортить планируемое событие.

Конец XIX – начало XX в. для народов Среднего Поволжья – время больших политических и экономических перемен, косвенно отразившихся и на состоянии традиционной одежды. Отмена крепостного права в России создала предпосылки для капиталистического развития, расширила возможности для реализации торговых связей, увеличения торго-

вого обмена. Так, например, с 1870 г. в селе Оркино стал развиваться промысел по шитью крестьянской одежды, имелось и овчинное заведение. К началу XX в. в верхней одежде мордвы из меха и шерстяного сукна было много общего. Нередко она не отличалась от одежды русских, проживавших в близко расположенных селениях. В повседневной верхней одежде слабо были выражены, а иногда и полностью отсутствовали половозрастные различия. Приток фабричных тканей, красителей на рынки Среднего Поволжья сказался на ассортименте тканей, используемых для одежды, на цветовом решении костюма, на характере отделки (вышивка заменяется нашиванием тканей) и даже на покрое. Наблюдается проникновение в мордовские села нового кроя одежды – «европейского». Все это способствовало изменению облика традиционного костюма мордвы. Сохранение традиционного костюма в неизменном состоянии невозможно, «предметы материальной культуры должны видоизменяться, чтобы соответствовать меняющейся общественно-политической обстановке» [1, с. 243]. Однако еще длительный период времени традиционная одежда мордвы сохраняла ритуальный смысл, оставаясь обязательным атрибутом обычаев и обрядов. Как сообщал С. Архангельский, «народ мордовский очень богат обычаями. У них совершаются особенные обряды при рождении и смерти» [3, л. 3].

В погребальных обрядах традиционный костюм использовался как символ соединения прошлого и настоящего, реального мира с потусторонним, с целью преодоления страха человека перед смертью, а может быть, символического уничтожения самой смерти. Покойного снабжали полным комплектом одежды, иногда с запасом, орудиями труда, связанными с изготовлением одежды (женщине – иголка, крючок, веретено, мужчине – кочедык). Причем погребальный комплекс воспринимался как «визитная карточка» человека, маркирующая его этнокультурное своеобразие: «На голову умершего мужчины и до сих пор мордва надевает колпак из белого холста. Для чего? Для того, скажет мордвин, чтобы на том свете наш брат мордвин не смешался бы с русским» [24, л. 25]. По мнению мордовского населения, души умерших составля-

ют пчельник Матор-паза – бога земли. Если кто-нибудь явится к нему не так, как подобает, то он считает это за обиду, нанесенную ему лично, поэтому начинает мстить тем, кто не оказал ему почета [17, с. 135–136].

По народным представлениям, одежда умершего человека способна была осуществлять взаимосвязь двух миров, поэтому, например, в эрзянских селах Кузнецкого уезда Саратовской губернии покойника раздевали с «великой осторожностью», чтобы ничего не повредить из одежды. Ее, как воплощение души покойного, не выбрасывали, клали у ног покойного, после похорон расстилали на подушке, надевали на сшитую из тряпок куклу, изображавшую умершего, что отмечалось и в начале XX века. Спустя шесть недель после смерти родственники несли одежду и куклу в баню, где мыли ее, чтобы «душа чистой в рай вошла» [18, с. 134].

В старину на сороковой день костюм покойного надевал избираемый родственниками человек и становился (на время ритуала поминовения) его заместителем (известно, что аналогичный обряд существовал также у чувашей, татар-кряшен, марийцев, удмуртов, русских). Письменные источники архива РГО подтверждают, что мордовский ритуал был исключительно натуралистичен и эмоционально наполнен (см.: [24]). Образ умершего воссоздавался через процедуру одевания в его одежду, покойный представлен очень активным, разговорчивым человеком: он сообщает подробности из потусторонней жизни недавно умерших людей, вызывая разнообразные эмоции присутствующих. После поминок одежду несли на кладбище и вешали на могильный крест, потом раздавали родственникам, считая, что этим как бы меняли одежду умершему. Через чувства скорби, печали, жалости, сопровождающие ритуальные действия с одеждой, можно было определить эмоциональное отношение женщины к предкам: причитанья над рубашкой символизировали заботу о них, что выражалось, например, в приглашении прийти в баню париться (см.: [30, с. 61]).

В 20-е гг. XX в. национальную мордовскую одежду берегли как самую дорогую и ценную вещь. Как отмечал М.Т. Маркелов, «почти у каждой пожилой, а иногда и молодой женщины и сейчас можно найти если не пол-

ный, то, во всяком случае, хоть несколько частей костюма, шитых или еще ее собственными руками, или доставшихся ей от матери, родных, и надобно видеть, с какой тщательностью хранятся они в глубинах сундуков и нередко льются над ними слезы воспоминаний и сожалений» [18, с. 71]. Хорошо зная язык и культуру мордвы, автор отнюдь не преувеличивал, говоря об этом.

Мордовские женщины сохраняли к своему костюму особое эмоциональное отношение в течение всей жизни. Мы неоднократно убеждались в этом во время этнографических экспедиций в 80-е гг. XX века. Так, в беседе одна из женщин села Чукалы Больше-Игнатовского района Республики Мордовия, вспоминая свою молодость, с грустью поведала, как не желала шить себе к свадьбе русский костюм, приготовила свой, традиционный, мордовский (из полевого материала автора; Больше-Игнатовский район Республики Мордовия, 1990 г.). Трата времени, упорный, кропотливый труд не ослабили глубину ее чувства к сложившемуся веками эстетическому образу. Однако сила ассоциативных связей национального канона с духовным миром девушки были сломлены практицизмом старшего поколения. Ее долго убеждали родственницы, что скоро все перестанут носить мордовскую одежду, и родная бабушка отвела за руку к портнихе, в соседнее село. Между тем до конца дней женщина сохранила ощущение печали по поводу этих событий. По мнению А.С. Арутюнова, «чем изошреннее становится наш духовный мир, тем больший резонанс в нем вызывают материальные предметы, так или иначе связанные с этнической, притом уходящей вглубь веков традицией» [1, с. 243]. Осознанная и глубоко прочувствованная связь мордовского традиционного костюма с духовным миром женщины объясняет то общее, что связывает понятия «наш костюм», «наш язык», «наше искусство», «наша культура», «наш народ», а именно эмоциональную окраску, изменяющуюся в разные исторические периоды жизни этноса. Память мордовской женщины о прошлом, уже исчезнувшем традиционном костюме наполнена эмоциональностью. Поскольку наша любовь к прошлому – импульс любви к будущему, она позволяет осмыслить глубину отношения к своей истории, выявить

взгляды и ценности отдельного человека, способствует возрождению и развитию народной культуры как всечеловеческой ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
2. Архангельский, С. Одежда мордвы / С. Архангельский // Саратовские губернские ведомости. Отдел второй. – 1844. – № 39. – С. 18–19.
3. Архангельский, С. Сведения о мордве, живущей в Саратовском уезде Саратовской губернии / С. Архангельский // Архив Русского географического общества. – О народностях Европейской России. – Р. 53. – Оп. 1. – Д. 30. – 17 л.
4. Балашов, В. А. Культура и быт мордовского колхозного села : ист.-этногр. очерк по материалам Zubovo-Полянского р-на Мордов. АССР / В. А. Балашов. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1975. – 168 с.
5. Белицер, В. Н. Народная одежда мордвы : тр. морд. этнограф. экспедиции. Вып. III / В. Н. Белицер. – М. : Наука, 1973. – 216 с.
6. Беляева, Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы / Н. Ф. Беляева. – Саранск : МГПИ, – 260 с.
7. Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. – М. : Искусство, 1971. – 544 с.
8. Бодриар, Ж. Система вещей / Ж. Бодриар. – М. : РУДОМИНО, 2001. – 218 с.
9. Гаген-Торн, Н. И. Женская одежда народов Поволжья : (Материалы к этногенезу) / Н. И. Гаген-Торн. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 228 с.
10. Зиммель, Г. Женская культура / Г. Зиммель // Избранное. Т. 2 : Созерцание жизни (Лики культуры). – М. : Юрист, 1996. – 607 с.
11. Козлов, В. И. Расселение мордвы – эрзи и мокши / В. И. Козлов // Советская этнография. – 1958. – № 2. – С. 43–54.
12. Козлова, К. И. Этнография народов Поволжья / К. И. Козлова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 345 с.
13. Козлова, Т. А. Материальные компоненты традиционной культуры в мордовском фольклоре (историко-этнографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Козлова. – Саранск, 2004. – 23 с.
14. Корнишина, Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования / Г. А. Корнишина. – Саранск : МГПИ, 2000. – 150 с.
15. Крюкова, Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорное тканье, резьба по дереву / Т. А. Крюкова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1969. – 119 с.
16. Лузгин, А. С. Жизнь промыслов: Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – нач. XX в. (Этнокультурные аспекты) / А. С. Лузгин. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 2001. – 216 с.
17. Майнов, В. Н. Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14, вып. 1. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. – 268 с.
18. Маркелов, М. Т. Саратовская мордва (Этнографические материалы) / М. Т. Маркелов // Саратовский этнографический сборник. Вып. 1 / под ред. проф. Б. М. Соколова. – Саратов : Изд. Морд. подотдела, 1922. – С. 54–233.
19. Маркелов, М. Т. К истории терюханской народной культуры / М. Т. Маркелов, С. П. Толстов // Маркелов, М. Т. Избр. тр. / Поволж. центр культур финно-угор. народов. – Саранск : Тип. «Рузавский печатник», 2009. – С. 50–77.
20. Минх, А. Н. Извлечение из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда / А. Н. Минх // Мордовский этнографический сборник. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1910. – С. 681–720.
21. Мокшин, Н. Ф. Материальная культура мордвы : этногр. справ. / Н. Ф. Мокшин. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 2002. – 208 с.
22. Мордва Саратовской области. В 2 ч. Ч. 1. Петровский район / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Т. Н. Охотина, С. А. Махалов ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. – Саранск, 2009. – 200 с. – (Сер. «Мордва России»).
23. Никонова, Л. И. Функции одежды в системе жизнеобеспечения мордвы / Л. И. Никонова // Узловые проблемы современного финноугроведения : материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 161–163.
24. О народностях Европейской России : географо-этнографический очерк мордовского села Скафтым Кузнецкого уезда Саратовской губернии // Архив Русского географического общества. – О народностях Европейской России. – Р. 53. – Оп. 1. – Д. 31. – 60 л.
25. Петербургский, И. М. Ювелирное искусство / И. М. Петербургский // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 2004. – С. 782–786.
26. Полянский, К. А. Этнографические сведения о мордве / К. А. Полянский // Архив Русского географического общества. – О народностях Европейской России. – Р. 53. – Оп. 1. – Д. 34. – 20 л.
27. Смирнов, И. Н. Мордва : историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия ; авт.

вступ. ст. В. А. Юрченков. – Саранск : Тип. «Красн. Окт.», 2002. – 296 с. – (Сер. «Наследие»).

28. Спрыгина, Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии / Н. И. Спрыгина. – Пенза, 1928. – Вып. 3. – 47 с.

29. Степанов, П. Д. Головные уборы мордовских замужних женщин в Саратовской губернии (Опыт применения типологического метода) / П. Д. Степанов. – Саратов : Крайлит., 1928. – 26 с.

30. Шахматов, А. А. Мордовский этнографический сборник / А. А. Шахматов. – СПб. : Тип. Импер. АН, 1910. – 848 с.

31. Шигурова, Т. А. Традиционный костюм мордвы в свадебных обычаях и обрядах / Т. А. Шигурова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 88 с.

32. Шигурова, Т. А. Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. А. Шигурова. – Саранск, 2003. – 19 с.

33. Шуляев, А. Д. Жизнь и песня / А. Д. Шуляев. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1986. – 172 с.

35. Юрченков, В. А. Мордовский народ: веки истории / В. А. Юрченков ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. – Саранск, 2007. – Т. 1. – 460 с.

OUTLOOK OF MORDOVIAN PEOPLE ON THEIR NATIVE COSTUME (BASED ON TRADITIONAL MORDOVIAN DRESSES OF SARATOVSKYA PROVINCE IN THE MIDDLE 19th – EARLY 20th CENTURY)

T.A. Shigurova

The native costume is regarded as a settled component of the material and spiritual culture of the Mordovians. The author tries to understand the meaning of the notion «our costume» in view of emotional component.

Key words: *ethnography, Mordovian people, material and spiritual culture, native costume, emotional component.*